

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ЛОББИЗМА

Автор: Павел Сергеевич Каневский

Павел Сергеевич Каневский, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия), e-mail: baggio-18@yandex.ru

Проблема изучения неформальных институтов власти существует столько же, сколько существуют политические отношения, однако лишь в последнюю четверть века эта проблема стала выходить на уровень научных концептуализации. Неформальные институты власти выходят далеко за пределы развивающихся государств, они являются неотъемлемой частью политического процесса как стран Запада, так и современных наднациональных политических структур. Данная статья посвящена мало затрагиваемому в отечественной политической науке проблеме сопряжения теории неформальных институтов и лоббизма. Деятельность группы интересов является ключевым элементом функционирования современных политических систем, в том числе в России, однако лишь в небольшом количестве стран взаимодействие групп интересов и органов власти приобретает форму формального института. Опираясь на подход американских авторов Гретхен Хелмке и Стивена Левитски, в статье предпринята попытка проанализировать взаимосвязь формальной и неформальной сторон института лоббизма.

Ключевые слова: неформальные институты власти, неоинституционализм, группы интересов, лоббизм, политическая система, коррупция.

Pavel Sergeevich Kanevskiy, Kandidat of Political Science, Associate Professor, Program of Political Science and Sociology of Political Processes, Sociology Department, Lomonosov Moscow State University (Russia), e-mail: baggio-18@yandex.ru

THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION OF INFORMAL INSTITUTIONS: THE CASE OF LOBBYING

The problem of studying informal institutions of power has existed as long as political relations have, but only in the last quarter-century has this problem begun to reach the level of scholarly conceptualization. Informal institutions of power exist well beyond the borders of developing states; they are an integral part of the political process of both Western countries and modern supranational political structures. This article is devoted to the problem of linkage between of the theory

стр. 54

of informal institutions and lobbying, an issue not widely treated in the Russian political science. The activities of interest groups are a key element of the functioning of modern political systems, including in Russia, but only in a small number of countries does the interaction of interest groups and authorities take the form of a formal institution. Drawing on the approach of American authors Gretchen Helmke and Stephen Levitsky, the article attempts to analyze the relationship between the formal and informal aspects of the institution of lobbying.

Key words: informal political institutions, neoinstitutionalism, interest groups, lobbying, political system, corruption.

Интерес к неформальным институтам власти у мировых исследователей возник относительно недавно - к середине 1990 - началу 2000-х гг. В первую очередь он был вызван пристальным вниманием к развивающимся демократиям Азии и постсоветского

пространства, где траектории развития не вписывались в привычные институциональные рамки западного мира. Тем не менее, с точки зрения теории и методологии, изучение неформальных институтов все еще находится в стадии активного развития и преодоления множества концептуальных трудностей. Помимо того, речь идет о сложном междисциплинарном направлении, особенность такого изучения заключается еще и в том, что оно не набрало критическую эмпирическую базу и поэтому часто оказывается на обочине исследовательского мейнстрима. В полной мере эта проблема относится и к отечественным исследованиям проблематики неформальных институтов власти, которая сегодня выглядит малозаметной в пространстве социально-политических наук. В данной связи весьма актуальными представляются концептуализация и обобщение самой проблематики неформальных институтов. Являются ли неформальные институты власти отклонением от нормы формальных институтов, или это параллельные образования, не связанные с формальной стороной политики? Какое место занимают неформальные институты в политическом развитии государств и обществ? Вопросы тем более важные, что в данном случае "неформальность" не означает "дисфункциональность" и, напротив, существование формальных институтов не подразумевает их безусловной эффективности.

Вопрос сопряжения формальной и неформальной сторон политики уходит корнями во времена взлета американских поведенческих наук 1950 - 60-х гг., когда ряд американских ученых - Гарольд Лассвелл, Роберт Даль, Пол Лазарсфельд, Филип Конверс и другие - впервые выдвинули в центр политических исследований не формальные институты, а субъективную сторону политики. Однако это не означало, что институты перестали выступать объектом

стр. 55

изучения политической реальности и траекторий политического развития. Скорее, напротив, бихевиоральные направления открыли новую реальность, в которой институты, поведение и вопросы политического представительства оказались взаимосвязанными, а особенности этой взаимосвязи характеризовали политические системы и сообщества.

В 1980-е гг., под воздействием экономической науки и социологии, взгляд на политические институты еще более усложнился, так как возникло множество неинституциональных школ, рассматривавших появление и функционирование институтов власти с позиций теории рационального выбора, структурного функционализма, различных вариаций исторического институционализма. Согласно Питеру Холлу и Розмари Тэйлор, основная проблема неинституционализма заключалась в том, что новые теоретические направления развивались во многом не только параллельно, но часто и противоречили друг другу¹. Следовательно, неинституционализм невозможно назвать интегративным направлением, это, скорее, набор различных подходов, которые с трудом поддаются конвергенции.

При этом в отношении взаимосвязи формальных и неформальных институтов в рамках неинституционализма сложился относительный консенсус, так как, во-первых, признается факт существования как формальных, так и неформальных правил и норм, во-вторых, указывается прямая связь этих правил и норм с моделями поведения, которые, таким образом, находятся в причинно-следственной связи с существующими институтами. Институты в любом случае рассматриваются как первичные структуры по отношению к поведению, и если мы хотим понять причину отклонения поведения от заданных норм, мы должны все равно начинать с институтов. П. Холл и Р. Тэйлор попытались описать эту взаимосвязь через определение института как "набора формальных или неформальных процедур, практик, норм и обычаев, встроенных в организационную структуру государства"². Классик неинституционализма Дуглас Норт, придерживавшийся теории рационального выбора, говорил о том, что "институты - это правила игры в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком

ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия - будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества разви-

¹ См.: Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. Vol. 44. No. 5. P. 936 - 957.

² Ibid. P. 6.

ваются во времени и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен"³.

Будучи в первую очередь экономистом, Д. Норт рассматривает институты с точки зрения их эффективности, при этом оговариваясь, что институты возникают не всегда для того, чтобы быть социально эффективными. Наверняка мы можем сказать лишь то, что формальные институты создаются для того, чтобы формировать правила игры, причем преимущественно теми, кто заинтересован в подобных правилах. Чем больше Д. Норт занимался проблемой соотношения формальных и неформальных институтов, тем больше он приходил к выводу, что связка "отлаженные формальные институты - эффективность" (будь то эффективность экономическая или политическая) слишком проста для понимания реальности. На самом деле существует огромное количество неписанных правил, норм, идей, которые могут оказывать не меньшее влияние на процессы развития. Именно поэтому Д. Норт переводит внимание с самих институтов на правила игры, которые они призваны регулировать, а подобные правила часто бывают неформализованными.

Это, однако, не приближает нас к ответу на вопрос, в чем же разница между формальной и неформальной сторонами институтов, а точнее - в чем разница между институционализированным и неформальным поведением. Если мы хотя бы частично соглашаемся с тем, что поведение есть результат воздействия со стороны институтов, то как мы обозначим те формы поведения, которые появляются в результате влияния на них неформальных образований и практик? Иными словами, здесь возникает своего рода концептуальный парадокс: мы не сможем понять природу неформального поведения, пока не определим четко, что такое неформальный институт, однако часто мы не можем этого сделать в силу проблемы верификации последнего.

В числе исследователей, которые на сегодняшний день предложили один из лучших способов выхода из этого концептуального тупика, следует назвать Гретхен Хелмке и Стивена Левитски, которые не просто предложили определение того, что такое неформальный институт, но сделали это понятие, насколько это представляется возможным, научно верифицируемым. Для этого они пошли на смелый для многих шаг, попытавшись концептуально отделить неформальные институты от культуры и традиций. Соглашаясь с тем, что культура может способствовать появлению неформальных институтов, они пришли к выводу, что эти институты являются результатом не общих ценностей, а общих ожиданий, которые в

³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997. С. 17.

большинстве случаев не связаны с распространенными ценностями. Эти ожидания создают неписанные правила, которые либо определяют пути достижения целей - в тех

случаях, когда формальные институты не способны этого сделать - либо предлагают менее эффективные способы. Отсюда определение неформальных институтов у Г. Хелмке и С. Левитски как "принятых в обществе, обычно неписаных правил, создающихся, становящихся известными и насаждающихся вне официально санкционированных каналов"⁴. И, напротив, формальные институты - это "правила и процедуры, которые создаются, становятся известными и насаждаются через каналы, общепризнанные в качестве официальных"⁵.

Чтобы лучше продемонстрировать особенности взаимосвязи и разницу между формальными и неформальными институтами власти, обратимся к той сфере политической науки и практики, которая исторически балансирует на грани формального и неформального - взаимодействию групп интересов с органами политической власти, именуемому также лоббизмом. В отличие от партийных систем, которые сегодня институционализированы в подавляющем большинстве стран мира, группы интересов являются важнейшим элементом механизма политического представительства, имеющим формальные институциональные основы в очень небольшом количестве политических систем. Как показывают многочисленные исследования, государства, в которых существуют четкие правила регулирования того, что принято называть лоббистской деятельностью, и дается определение лоббизма на официальном политико-правовом уровне, составляют в мире абсолютное меньшинство. Более того, наличие таких правил вовсе не означает, что данные страны поставили под юридический контроль процесс принятия решений, так как не существует такой системы, в которой не было бы неформальных связей групп интересов с центрами власти. Наконец, простое копирование норм, направленных на контролирование лоббизма, не означает окончательной его институционализации.

Существование групп интересов, прямо или косвенно оказывающих влияние на процесс принятия политических решений, является данностью любого государства, независимо от степени его открытости и демократичности. Более того, правящие элиты признают, что лоббизм, как способ воздействия на процесс принятия решений, является нормальным явлением для любой политической системы. Например, согласно опросу, проведенному в 2013 г. консалтинговой фирмой Burson-Marsteller среди парламентариев и

⁴ Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. 2007. N 2. С. 192.

⁵ Там же.

членов правительств 15 наиболее развитых стран Европы и органов Евросоюза, 37 % видят в лоббизме механизм участия социальных и экономических субъектов в процессе принятия решений, 28 % считают, что лоббизм - это важнейший канал получения информации, необходимой для принятия решений, 20 % - что с помощью лоббизма озвучиваются локальные и региональные требования и проблемы. В то же время респонденты подчеркнули и негативные аспекты лоббизма, такие как отсутствие прозрачности и сложность выявления истинного интереса лоббиста (26 %), неравенство возможностей при лоббировании интересов элит и крупного бизнеса (24 %), отсутствие нейтральной информации и ангажированность (23 %)⁶. Однако если в Европе и особенно на уровне Евросоюза лоббизм становится все более заметным и (до определенного предела) более контролируемым явлением, большинство развивающихся государств с рыночной экономикой сталкиваются с лоббизмом на невидимом и зачастую глубоко неформальном уровне политики.

Россия в этом отношении принадлежит к тому большинству стран, где лоббизм, хотя и существует в реальности, не является набором формальных процедур, закрепленных в законодательстве, а представляет собой многочисленные неформальные практики,

которые лишь косвенно подкреплены отдельными нормами права. Именно поэтому российская политическая наука столь активно пользуется универсальным определением лоббизма как "неформального института". Данное объяснение можно было бы назвать компромиссным, но оно порождает логичный вопрос - если мы можем считать лоббизм неформальным институтом, существование которого не закреплено в нормативной сфере, почему мы не можем считать таким же неформальным институтом, например, коррупцию? Этот вопрос постоянно возникает в российской политологической среде и нередко разделяет ее на два лагеря - на тех, кто видит в лоббизме исключительно продолжение коррупции, и тех, кто не считает неформальную сторону лоббизма непременным атрибутом коррупционных отношений. Но как в условиях существования неформального института (лоббизма) понять природу его взаимодействия с другими неформальными институтами (коррупцией)? Для современной России этот вопрос является несправедливым, поскольку системная коррупция в последние годы стабильно находится на высоком уровне, по всем параметрам превышающем допустимые пороги. Неудивительно, что сравнение лоббизма с коррупцией красной нитью проходит через все дискуссии, связанные с попытками

⁶ См.: A Guide to Effective Lobbying In Europe. The View of Policy-Makers. 2013. Brussels: Burson-Marsteller, 2013. URL: http://lobbyingsurvey.burson-marsteller.com/wp-content/uploads/2013/05/european_lobbying_survey_2013.pdf

проанализировать воздействие организованных групп и отдельных индивидов на центры принятия решений.

Масштабные исследования взаимосвязи коррупции и лоббизма Науро Кампоса и Франческо Джованнони показали, что в развивающихся странах лоббистские отношения по мере их постепенной формализации могут вытеснять коррупцию, так как становятся более эффективным способом продвижения групповых интересов во власти⁷. В то же время ряд других исследований демонстрирует, что применение новых формальных правил регулирования не является гарантией перехода к формальным практикам взаимодействия групп интересов и органов власти⁸. Напротив, попытка реформирования устоявшихся правил игры может привести к возникновению новых, более изощренных неформальных механизмов влияния. В последние три десятилетия подобные процессы наблюдались и в странах Центральной и Восточной Европы - членах Евросоюза⁹, но в еще большей степени выражены в России и странах постсоветского пространства. Таким образом, попытка институционализации неформальных правил и процедур может приводить не к их исчезновению, но к их трансформации.

Различие между коррупцией и лоббизмом также заложено в основу распространенного деления на цивилизованную и нецивилизованную формы лоббистской деятельности. По словам С. В. Васильевой, грань между цивилизованным и нецивилизованным лоббизмом проявляется не на бумаге, а в конкретных действиях политиков и чиновников, имеющих либо не имеющих корыстную составляющую¹⁰. В этом смысле цивилизованный лоббизм существует тогда, когда он соответствует принятым нормам и этическим стандартам.

Развитие лоббизма в его классическом понимании, независимо от того, является он формальным или неформальным институтом, стало результатом процессов демократизации и распространения в обществе рыночных отношений, которые диктуют свою логику взаимоотношениям бизнеса и власти. Любое современное капиталистическое государство имеет свою траекторию развития отношений

⁷ См.: Campos N.F., Giovanni F. Lobbying, Corruption and Political Influence // Public Choice. 2007. Vol. 131. No. 1. P. 1 - 21.

⁸ См., например: *McGrath C.* The Development and Regulation of Lobbying in the New Member States of the European Union // *Journal of Public Affairs*. 2008. Vol. 8. No. 1 - 2. P. 15 - 32.

⁹ См.: *Каневский П. С.* Группы интересов в политических системах Центральной и Восточной Европы // *Социология*. 2013. N 2. С. 67 - 74.

¹⁰ См.: *Васильева С. В.* Цивилизованный лоббизм - средство или следствие борьбы с коррупцией // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2008. N 4. С. 116.

стр. 60

между группами интересов и центрами принятия решений, которая напрямую зависит от типа политической системы. Наиболее часто приводимым примером эволюции от неформальных практик к законодательному регулированию является институт лоббизма в США, однако там этот процесс определялся особенностями развития федерализма, разделения властей и местного бизнес-сообщества. Большинство стран Западной континентальной Европы пошли по совершенно другому пути - встраиванию групп интересов в государственные иерархии. Этот путь институционализации их взаимодействия с органами власти в литературе часто называют корпоративизмом, хотя сегодня данный термин уже не имеет столь отчетливого содержания, как еще даже 15 - 20 лет назад. Еще более сложный пример представляет многоуровневый и малопонятный стороннему наблюдателю лоббизм в Евросоюзе, где произошла интеграция различных национальных способов взаимодействия групп интересов и органов власти в единую систему согласования решений с центром в Брюсселе. В то же время огромный пласт развивающихся государств не принадлежит к историческому типу условных англо-саксонской или континентально-европейской моделей лоббизма, так как демократические институты и рынок находятся в состоянии постоянных трансформаций, следовательно, природа взаимоотношений власти и групп интересов также подвержена постоянным изменениям. Тем не менее данный процесс часто носит разнонаправленный характер - ведь недостаточно принять в стране закон о регистрации или регулировании групп интересов, это не изменит те неформальные практики, которые приняты в данном сообществе. Справедливости ради стоит заметить, что и в развитых странах институт лоббизма подвержен периодическим изменениям, особенно заметно это проявляется в странах европейско-континентальной модели, где частный бизнес оказывает все более весомое влияние на процесс принятия решений и видоизменяет традиционные иерархии власти.

Развитие и институционализация лоббизма породили также другой парадокс - формализация правил игры не всегда приводит к легитимизации этих правил. Точнее, эти правила могут стать легитимными для непосредственных участников взаимодействия между государством и группами интересов, однако обществом они часто воспринимаются как противоречащие демократии и общему интересу. Формализация института лоббизма, например, во Франции (с 2014 г.) или Нидерландах (с 2012 г.) не снижает уровня критики со стороны общественности и ряда политиков, для которых лоббизм является олицетворением частного интереса в противовес

стр. 61

общественному. В особенности лоббизм является излюбленной мишенью для социал-демократических сил и новых европейских популистов, которые стремятся подчеркнуть то, что в политической игре побеждают те группы интересов, у которых больше власти и ресурсов, а граждане остаются за бортом системы. Хотя это очень упрощенное видение лоббизма и групповых интересов, выборные политики в Европе не хотят казаться проводниками частных интересов, несмотря на то что в реальности принципы классического представительства интересов с четким классовым делением уходят в прошлое по мере развития глобальной экономики и коренных изменений в структурах национальных экономик. Вместе с тем происходит стабильное снижение доверия населения к органам представительной власти, граждане разочарованы традиционными

партиями и идеологиями. Отчасти это происходит как раз из-за того, что групповая политика сегодня все в большей степени доминирует над классической партийной политикой, вследствие чего происходит размывание традиционного электората. Группы интересов в современных индустриальных обществах становятся тем средним уровнем, который составляет основу механизма представительства. Именно на смысловых разломах между частным и общественным, между небольшими группами и большими социальными слоями, специальными интересами и общественным благом возникают сегодня дискуссии о легитимности, формальной и неформальной сторонах лоббистской деятельности.

В России подобные дискуссии продолжают все годы существования новой политической системы и новой экономики. Однако взаимодействие групп интересов с органами власти продолжает развиваться на фундаменте неформальных межличностных и межгрупповых связей, глубоко укорененных в моделях поведения и правилах игры. Если исходить из концепции Гретхен и Левитски, то неформальный лоббизм в России имеет очень опосредованное отношение к культуре и ценностям, на чем настаивают многие исследователи. Напротив, он является логичным продолжением институциональной динамики советской эпохи, которая породила те самые правила игры, которые мимикрировали в современный неформальный институт лоббизма. Все современные формы и методы лоббизма - железные треугольники, вращающиеся двери, патрон-клиентские отношения - уходят корнями в систему согласования интересов советской и перестроечной эпох. Чтобы лучше понять, каким образом могла произойти такая трансформация и почему так сложно менять устоявшиеся правила, воспользуемся типологией неформальных политических институтов Г. Хелмке и С. Левитски.

стр. 62

Она позволяет посмотреть на неформальный институт не как на статический набор характеристик, но как на динамичную структуру, которая способна изменяться под воздействием определенных факторов¹¹.

В качестве первого типа американские авторы выделили дополняющие неформальные институты. Данные институты часто повышают эффективность формальных, так как заполняют пробелы, не предусмотренные в существующих формальных правилах. Таким образом, например, возникают дополняющие процедуры в Верховном суде США или отдельные нормы в законодательном процессе Великобритании, созданные на принципах прецедентного права. Дополняющие неформальные институты имеют различные причины возникновения, обусловленные существующей политической или экономической культурой, конституционным порядком и необходимостью соблюдения духа конституции. В большинстве случаев такие институты служат в качестве управляемых неформальных или полуформальных рычагов влияния в процессе принятия решений, способствующих большей эффективности формальных институтов.

Вторым типом являются аккомодационные неформальные институты. Они не противостоят напрямую существующим формальным институтам, однако последствия их деятельности могут быть нежелательными для политического процесса. Часто возникновение подобных институтов признается в качестве необходимого отклонения, так как формальные институты не справляются с возложенными на них функциями и задачами. Именно к аккомодационному типу институтов следует отнести те неформальные протолоббистские и межличностные связи, которые стали массово развиваться в Советском Союзе в 1970-е гг., так как существовавшая система управления политической и экономической жизнью сдерживала развитие большинства предприятий, а гражданам не хватало доступа к благам, распределение которых зависело от места в социальной иерархии. Однако это не были классическая коррупция или чистый клиентелизм, поскольку в рамках советской системы существовал и развивался достаточно отлаженный механизм обмена благами, ресурсами и возможностями.

Клиентелизм и коррупция стали, скорее, следствием качественной трансформации данной системы взаимоотношений в период распада СССР и возникновения рыночной экономики. Именно в эти годы (хотя отчасти и раньше) стали возникать черты третьего типа

¹¹ См.: Хелмке Г., Левитски С. Указ. соч.

неформального института, который Г. Хелмке и С. Левитски назвали конкурентным. Конкурентные институты возникают тогда, когда формальные правила и процедуры выполняются несистематически, что позволяет нарушать их без опасений серьезных последствий и санкций со стороны государства. Обычно конкурентные институты характерны для государств со слабой правовой базой, низким уровнем правовой и конституционной грамотности, нежеланием перехода к новым, зачастую более строгим и сложным правилам взаимодействия. Практически все государства, находящиеся или находившиеся в состоянии перехода к демократическому режиму, переживают доминирование конкурентных институтов, к которым можно отнести коррупцию, клиентелизм, клановость и прочие аномические явления политической жизни. Послевоенные Италия и Япония в 1950 - 70-е гг. пережили периоды отчетливого доминирования конкурентных неформальных институтов, отдельные черты которых можно наблюдать в этих странах и сегодня. Очевидно, что те зачатки неформальных отношений, которые были умышленно или вынужденно заложены в советской системе, явились важным базисом для конкурентных неформальных институтов. Следовательно, неформальный институт лоббизма, который существует сегодня в России, во многом находится под влиянием конкурентных процедур, находящихся вне правового пространства.

Иными словами, здесь недостаточно исходить из категории неформального института, важнее понять, насколько члены конкретного сообщества разделяют существующие правила игры, насколько эти правила отвечают всем участвующим в политическом процессе группам интересов и насколько система способна агрегировать эти интересы, превращая их в реальные решения. Г. Хелмке и С. Левитски считают, что мотивы, которые приводят к возникновению неформальных институтов, могут быть самыми разными, однако в большинстве случаев это либо неполнота формальных институтов, либо запасная стратегия для акторов, которые не могут добиться нужных результатов в рамках формальных институтов, либо стремление к целям, которые не считаются общественно приемлемыми¹².

Иными словами, неформальные институты являются следствием либо законодательства, утратившего связь с социальной структурой и нуждающегося в реформировании, либо опасения в том, что неформальные практики не будут одобрены гражданами. В этом смысле протоллоббистские отношения в Советском Союзе, которые складывались между представителями индустрии, министерств и

¹² См.: Там же.

партии, были важнейшими предвестниками институциональной революции, которая произошла в конце 1980-х гг. и во многом была вызвана неспособностью советской индустрии и экономики существовать в старых условиях. Однако эти неформальные правила игры оказались настолько глубоко укоренены в общественной структуре, что до сих пор находят отражение в условиях, в которых, казалось бы, уже должны работать цивилизованные рыночные отношения. Несмотря на то что неформальные институты являются частью политической реальности, они все еще крайне слабо исследованы. В

частности, это относится к взаимосвязи между формальными и неформальными институтами, понятиями эффективности и неэффективности. Если неформальные практики становятся более эффективными, чем формальные, то, возможно, это означает, что надо задуматься над тем, как их формализовать. Кроме того, что делать, например, с худшими формами клиентелизма или коррупции? Ведь в данном случае речь идет не просто о неполноте формальных институтов, а об их дисфункциях, которые порождают неформальные практики, и, следовательно, о необходимости реформирования самих институтов. В отечественной литературе осмысление этих вопросов, к сожалению, остается все еще в первоначальной стадии и явно требует глубокого междисциплинарного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева С. В. Цивилизованный лоббизм - средство или следствие борьбы с коррупцией // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. N 4. С. 115 - 121.

Каневский П. С. Группы интересов в политических системах Центральной и Восточной Европы // Социология. 2013. N 2. С. 67 - 74.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997.

Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика// Прогнозис. 2007. N 2. С. 188 - 211.

Campos N.F., Giovannoni F. Lobbying, Corruption and Political Influence // Public Choice. 2007. Vol. 131. No. 1. P. 1 - 21.

Bull M., Newell J. Corruption in Contemporary Politics. London: Palgrave, 2003.

A Guide to Effective Lobbying In Europe. The View of Policy-Makers. 2013. Brussels: Burson-Marsteller, 2013. URL: http://lobbyingsurvey.burson-marsteller.com/wp-content/uploads/2013/05/european_lobbying_survey_2013.pdf

Butternick K. Introducing Public Relations: Theory and Practice. London: Sage, 2011.

Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. Vol. 44. No. 5. P. 936 - 957.

McGrath C. The Development and Regulation of Lobbying in the New Member States of the European Union // Journal of Public Affairs. 2008. Vol. 8. No. 1 - 2. P. 15 - 32.

стр. 65

REFERENCES

A Guide to Effective Lobbying In Europe. The View of Policy-Makers. 2013. Brussels: Burson-Marsteller, 2013, URL: http://lobbyingsurvey.burson-marsteller.com/wp-content/uploads/2013/05/european_lobbying_survey2013.pdf

Bull, M., and Newell, J. *Corruption in Contemporary Politics.* London: Palgrave, 2003.

Butternick, K. *Introducing Public Relations: Theory and Practice.* London: Sage, 2011.

Campos, N. F., and Giovannoni, F. "Lobbying, Corruption and Political Influence," *Public Choice*, Vol. 131, No. 1, 2007, pp. 1 - 21.

Hall, P., and Taylor, R. "Political Science and the Three New Institutionalisms," *Political Studies*, Vol. 44, No. 5, 1996, pp. 936 - 957.

Helmke, G., and Levitsky, S. "Neformal'nye instituty i sravnitel'naia politika," *Prognosis*, No. 2, 2007, pp. 188 - 211.

Kanevskii, P. S. "Gruppy interesov v politicheskikh sistemakh Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy," *Sotsiologiia*, No. 2, 2013, pp. 67 - 74.

McGrath, C. "The Development and Regulation of Lobbying in the New Member States of the European Union," *Journal of Public Affairs*, Vol. 8, No. 1 - 2, 2008, pp. 15 - 32.

North, D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki*. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala", 1997.

Vasil'eva, S.V. "Tsivilizovannyi lobbizm - sredstvo ili sledstvie bor'by s korrupsiei," *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, No. 4, 2008, pp. 115 - 121.

стр. 66

Заглавие статьи	ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ЛОББИЗМА
Автор(ы)	Павел Сергеевич Каневский
Источник	Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, №6, 2016, С.54-66
Место издания	Москва, Российская Федерация
Объем	33.7 Kbytes
Количество слов	4052
Постоянный адрес статьи	https://dlib.eastview.com/browse/doc/49018679
постоянный адрес статьи:	https://dlib.eastview.com/browse/doc/49018679